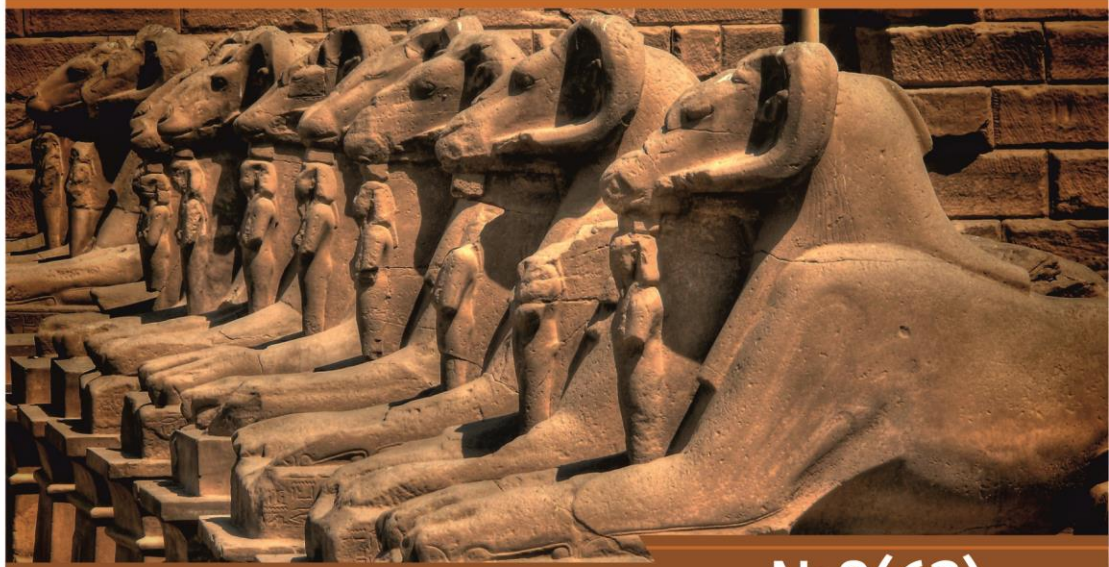

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№8(62)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2022

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам LXII международной
научно-практической конференции*

№ 8 (62)
Август 2022 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2022

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва;

Монастырская Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, Россия, г. Кемерово.

НЗ4 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:

сб. ст. по материалам LXII междунар. науч.-практ. конф. – № 8 (62). – М.: Изд. «МЦНО», 2022. – 34 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2022

Оглавление

Раздел 1. Культурология	4
1.1. Теория и история культуры	4
РУССКАЯ УСАДЬБА СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.: АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ Ежова Надежда Алексеевна	4
Раздел 2. Литературоведение	11
2.1. Русская литература	11
ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА Самахер Хасан Давуд	11
ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА «ВПОЛНЕ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ИДИОТ») Должикова Жанна Вячеславовна	18
УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА Мундер М. Кадим Мохаммед Ясин Мохаммед	22

РАЗДЕЛ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

РУССКАЯ УСАДЬБА СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.: АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Ежова Надежда Алексеевна

*канд. филос. наук, профессор,
Тамбовский государственный музыкально-
педагогический институт им. С.В. Рахманинова,
РФ, г. Тамбов*

RUSSIAN ESTATE OF THE MIDDLE OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES: ARCHITECTURAL ENSEMBLES, CULTURAL TRADITIONS

Ezhova Nadezhda

*Candidate of Philosophical Sciences, Professor
in Tambov State Musical Pedagogical
Institute named after S.V. Rachmaninoff, Russia, Tambov*

Аннотация. Обоснована необходимость изучения феномена русской усадьбы для возрождения национального самосознания, усиления патриотической направленности воспитательной работы с молодёжью. Доказано значение культурных традиций в русле формирования духовных ценностей современного общества. Проанализированы основные тенденции в планировании архитектурных ансамблей русских усадеб середины XVIII – начала XX веков. Рассмотрены особенности русской усадебной культуры. Сформировано понимание роли русской усадьбы в создании культурной среды.

Abstract. The necessity of studying the phenomenon of the Russian estate for the revival of national self-consciousness, strengthening the patriotic orientation of educational work with young people. The importance of cultural traditions in the course of the formation of spiritual values of modern society is proved. The main trends in the planning of architectural ensembles of Russian estates in the mid-18th – early 20th centuries are analyzed. The features of the Russian estate culture are considered. An understanding of the role of the Russian estate in the creation of a cultural environment has been formed.

Ключевые слова: усадьба; архитектурные ансамбли; культурные традиции; духовные ценности.

Keywords: estate; architectural ensembles; cultural traditions; spiritual values.

Кардинальное изменение политической ситуации в мире, поиск новых путей достижения экономической стабильности, необходимость решения многих социальных проблем определяют первостепенную значимость нравственных приоритетов развития общества. Изучение отечественной истории, осмысление исторического прошлого России открывают богатство культурного фонда, разнообразие традиций, бережно сохраняющихся в различных регионах страны. Особенная роль в формировании преемственности, уважительного отношения к накопленным многими поколениями духовным ценностям принадлежит исследованию значения русской усадебной культуры [4, с. 3].

Термин «русская усадьба» встречается в документах XVII в. Время со второй половины XVIII до середины XIX вв. можно назвать периодом расцвета усадебной культуры, организации единой архитектурной композиции усадьбы. Повышенное внимание к строительству и обустройству усадеб связано со значительной общественной ролью дворянского сословия, представлявшего в течение довольно длительного исторического периода опору русского государства. Освобождение дворян от обязательной военной службы, в соответствии с манифестом Петра III «О вольности дворянства» (1762 г.), позволило представителям знатных родов больше сил и времени отдавать планированию архитектурных ансамблей городских и сельских усадеб, созданию бытовых удобств, организации досуга.

Центральное место русской усадьбы занимает усадебный дом, необходимые хозяйственные постройки находятся в глубине парка. Большой регулярный парк, обустроенный по типу Версаля, или в романтическом стиле, свойственном английской культуре, формирует

художественное пространство усадьбы. Довольно замкнутый усадебный мир становится местом личного творчества. Поклонение искусству, культ просвещения приводит к созданию именно в усадьбах литературных и музыкальных шедевров: «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, «Записок» А.Т. Болотова, названных автором «Жизнь и приключения Андрея Болотова», стихов А.С. Пушкина и Е.А. Боратынского, музыкальных сочинений С.В. Рахманинова и мн. др.

Распространёнными формами досуга в русской усадьбе были коллекционирование, семейное литературное чтение, музицирование, женское рукоделие, любительская археология. Досуговое время жителей усадьбы проходило в кругу семьи, именно семейная жизнь являлась «главным признаком и отличительной принадлежностью» усадебной культуры [1, с. 370]. Гостям оказывался самый радушный приём, они имели возможность проживания, знакомства с домашними коллекциями, музейными экспонатами, семейным архивом и библиотекой хозяев усадьбы. Совместное участие родственников, знакомых, гостивших в усадьбе по приглашению владельцев усадьбы, в домашних спектаклях, концертах, литературных обсуждениях создавали особую атмосферу, наполненную теплом и добротой.

Использование подобных форм досуга имело заметное влияние на накопление молодёжью духовных ценностей. Театральные постановки с участием детей и взрослых оказывали воздействие на развитие художественных предпочтений юного поколения. Обсуждение литературных произведений русских поэтов и писателей – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. – позволяло сформировать тонкий литературный вкус, привить любовь к чтению, постижению глубокого смысла поэзии и прозы. Исполнение на домашних музыкальных вечерах произведений для фортепиано, скрипки, виолончели, гитары прививало навыки сольного и ансамблевого музицирования, внимательного отношения к творческим намерениям партнёров музыкального ансамбля.

Архитектурный облик загородных резиденций Петербурга и Москвы создавали духовную среду, своеобразный культурный фон, служили образцом для провинциальных губерний. По примеру праздничных музыкальных вечеров в петербургских резиденциях с участием артистов Мариинского театра, в провинциальных дворянских усадьбах использовалась практика приглашения известных музыкантов. Театральные представления, «живые картины», выступления фокусников и ряженых, танцы, совместные игры детей и взрослых также были весьма популярны в провинциальных больших имениях. Дворянские усадьбы второй половины XVIII–XIX вв. являлись культурными

провинциальными центрами. Постепенно выходя за рамки уединённого усадебного мира, любовь и стремление жителей провинциальной усадьбы к прекрасному обретала общественные формы в губернских и уездных городах.

Например, на развитие профессионального музыкального образования в Тамбове оказали воздействие Е.В. Чичерин, И.А. Гуаданини, М.П. Колобов и др. представители титулованных родов. О влиянии усадебной музыкальной культуры на формирование культурной среды Тамбовской губернии свидетельствует работа в Дирекции Тамбовского отделения музыкального общества, участие в концертах Дворянского собрания и музыкального училища М.А. Боратынского, представителя рода Боратынских, основавших с конца XVIII в. ряд усадеб на территории имения Вяжли Кирсановского уезда Тамбовской губернии [3, с. 110].

Необходимо отметить такие замечательные направления деятельности владельцев обширных дворянских усадеб, как просветительство и благотворительность. Строительство в соседних деревнях школ, читален, рабочих мастерских, больниц, богаделен, содержание дворянством на собственные средства учителей, больничного персонала поддерживало бедные слои населения, оказывало им незаменимую помощь в тяжёлых жизненных ситуациях.

Крестьянская реформа, начатая Александром II в 1861 г., трансформировала облик русской усадьбы. Изменение во второй половине XIX в. сословного состава владельцев усадеб, приобретение богатыми представителями купечества основной части дворянских имений, превращение наиболее значительных из них в источник промышленного сырья для крупных центров [7], достижение экономической рентабельности усадьбы происходило в некий ущерб её культурно-просветительскому предназначению. Тем не менее, архитектурные, художественные и бытовые традиции дворянской усадьбы сохраняются в отдельных усадебных комплексах.

Распространение на рубеже XIX–XX вв. культуры модерна оказывает влияние на отношение владельцев имений к выбору архитектурной модели усадьбы. Так, последнее десятилетие XIX в. новый владелец усадьбы Одинцово-Архангельское, известной с 1767 г. и отстроенной М.П. Нарышкиным на рубеже XVIII – XIX вв. в Подольском районе Москвы (ныне – г. о. Домодедово), В.Е. Морозов, предоставляет право архитектору Ф.О. Шехтелю воплотить новый творческий проект. Переустройство данной усадьбы можно считать самым ранним образцом русского варианта модерна, который находится в русле «*общих для Европы и Америки попыток обновления архитектуры*» [2, с. 40].

Сочетание симметрии и асимметрии в композиции парка усадьбы, декоративная отделка внутренних помещений центрального дома свидетельствуют об использовании стилистики модерна [11, с. 119].

Архитектор А.В. Кузнецов, работавший длительное время помощником Ф.О. Шехтеля, в 1908–1909 гг. превращает бывшее имение князей Белосельских–Белозерских Льялово Московского уезда (ныне входит в г. о. Солнечногорск) в уникальный образец русского модерна. В сохранившемся по фотографиям облике усадебного дома, с обилием балконов, террас, башенок и эркеров прослеживается явная связь с голландскими, немецкими и фламандскими строениями XIX в., возрождающими средневековые и романтические традиции. Новый владелец княжеского имения, Н.Д. Морозов, давший усадьбе имя «Морозовка», придавая большое значение эстетическому значению парковой зоны, обратился к известному специалисту, заложившему в России основы прикладной ботаники, Р.Э. Регелю. Его усилиями старый пейзажный парк обогатился редкими деревьями и кустарниками, сооружением грота вблизи пруда [9].

Один из первых образцов использования пластического объёма архитектурных форм является работа Л.Н. Кекушева, спроектировавшего усадебные постройки имения «Грачёвка». Новым владельцем принадлежавшей ранее Третьяковым–Ховриным усадьбы Ховрино (ныне входит в район Северного административного округа Москвы), в 1895 г. стал купец М.С. Грачёв. По заказу М.С. Грачёва Л.Н. Кекушев воплотил т.н. «стиль Гарнье» [8], создателя проекта игорного дома в Монте-Карло. Сочетание различных объёмов в композиции усадебного дома, их группировка вокруг центрального зала с куполом акцентируют принцип асимметрии, который впоследствии будет широко использован в композициях направления конструктивизма.

Формированию эстетики русского модерна в литературе и изобразительном искусстве способствует творческая атмосфера ряда русских усадеб. Встречи писателей, художников, общественных деятелей в усадьбе рода Толстых «Ясная Поляна» (ныне входит в Щёкинский район Тульской области), в имении семьи художника В.Д. Поленова «Поленово» (ныне входит в Заокский район Тульской области), в усадьбе художника И.Е. Репина «Пенаты» (ныне входит в Курортный район Санкт-Петербурга), в принадлежащем Мамонтовым усадьбе «Абрамцево» (ныне входит в Сергиево-Посадский район Московской области), во владении княгини М.К. Тенишевой Талашкино-Флёново (ныне входит в Смоленский район Смоленской области) позволяют говорить о культуроформирующем значении русской усадьбы.

Во второй половине XIX в. конкретизируются отличительные особенности русской усадебной культуры, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, опубликованном в Москве в 1863 г., определяется понятие «усадыба». Но постепенно, с изменением внешних обстоятельств, уникальность русской усадьбы как особого культурного мира исчезает. На рубеже XIX–XX вв. дальнейшее распространение культурных тенденций русского модерна оказывает влияние на формирование новых черт и особенностей загородной жизни, развитие демократической дачной культуры. Дачные участки постепенно утрачивают хозяйственные функции и предназначаются для отдыха и приятных форм развлечений. В издании 1849 г. «Как должно проводить время на даче» упоминается, что для иных целей не нужно приезжать на дачу [10]. Сельскохозяйственные работы перестают исполняться в качестве основной статьи дохода владельцев имений, занятия садоводством, обустройство садов и парков, приобретение редких растений направлены на решение эстетических задач.

При возведении дачных строений, начиная со второй половины XIX в., использовались элементы русской национальной архитектуры, западноевропейской эклектики, форм неоклассицизма, английской и немецкой псевдоготики [6, с. 47]. Учитывая существование на рубеже XIX–XX вв. двух форм загородных владений, усадьбы и дачи, в дальнейшем интересным представляется детальное изучение трансформации стилистических характеристик дачных построек середины XIX – начала XX вв., связанной с массовым строительством дачных посёлков в 90-е гг. XIX в.

В настоящее время понятие «усадыба» в научной литературе трактуется неоднозначно, порой с акцентированием внимания на архитектурном ансамбле, включающем парк и хозяйственные постройки [5]. Бесспорно, выразительные силуэты центральных усадебных домов, разнообразие художественных образов в декоративном убранстве помещений, тщательно разработанное планирование парковых зон русских усадеб поныне привлекают наше внимание, наполняют гордостью за талант и яркие творческие открытия профессиональных архитекторов, художников, оказывающих воздействие на тонкость восприятия явлений культуры. Однако в целом, исследование понятия русской усадьбы как многоаспектного явления позволяет рассматривать политическую, экономическую, социальную, культурную, философскую характеристики.

При сохранении изначально существующих хозяйственных функций, русская усадебная культура формировала культурный фон дореволюционной России. В современных условиях необычайную остроту

приобретает необходимость возрождения национального самосознания, усиления патриотической направленности воспитательной работы с молодёжью. Исследование российской истории, путей эволюции культурных тенденций позволяет объяснить ныне существующие общественные противоречия. Накопление исторического позитивного и негативного опыта содействует более глубокому пониманию нравственных установок общества в целом и духовных потребностей отдельных членов социума. Формирование стремления к сохранению духовных ценностей и культурных традиций укрепляет связь поколений, способствует успешному решению задач экономического и социального развития общества.

Список литературы:

1. Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 463 с.
2. Кириченко Е.И. Федор Шехтель. – М.: Стройиздат, 1973. – 141 с., илл.
3. Климкова М.А. «По наряду из Розряду...». Очерки из истории культуры Тамбовского края. – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2004. – 196 с.
4. Ковалева Т.В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья: Вторая половина XVIII–начало XX вв.: Автореф. дис. канд. истор. наук. – Курск, 2004. – 24 с.
5. Коробко М.Ю. Мир русской усадьбы // «История»: Газета издательского дома «Первое сентября». – 2003. – № 34–35.
6. Кузьмин М.А. Русская усадебная культура и её особенности в XXI веке // Вестник славянских культур. – 2011. – № 2 (XX). – С. 43–49.
7. Летягин Л.Н. Русская усадьба: мир, мир, судьба. URL: <http://www.russian.slavica.org/article/1860.html> (дата обращения: 07.08.22).
8. Нащокина М.В. К интерпретации образной структуры усадьбы «Грачёвка» // Остафьевский сборник / М-во культуры Рос. Федерации, Музей-усадьба Остафьево «Рус. Парнас» [и др.]. Вып. 3: Тезисы докладов научной конференции «История и культура подмосковных усадеб. Проблемы создания музея истории русской усадьбы». – Москва, 1995. – 117 [1] с.
9. Нащокина М.В. Усадебные постройки А.В. Кузнецова для семьи Морозовых // Труды I Морозовских чтений. – Богородск–Ногинск, 1996. URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya96/31.html> (дата обращения: 05.08.22).
10. Павлова Т.Г. К истории подмосковных дач // Московский журнал. – 1997. – № 2. – С. 23–30.
11. Памятники архитектуры Московской области. Каталог. В 2-х т. Под общ. ред. Е.Н. Подъяпольской. Т. I. – М.: «Искусство», 1975 – 384 с. с ил.

РАЗДЕЛ 2.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

2.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Самахер Хасан Давуд

*ассистент, преподаватель
Факультета языков Багдадского университета,
Ирак, г. Багдад*

Hasan Samaher

*Assistant Professor,
College of Languages, University of Baghdad,
Iraq G. Baghdad*

Аннотация. В статье рассмотрены общекультурные и национальные признаки общности в российской и украинской литературе первой трети XX века, их общие черты на фоне развития модернистских течений того периода.

Abstract. The article discusses the general cultural and national signs of community in Russian and Ukrainian literature of the first third of the twentieth century, their common features on the background of the development of modernist movements of that period.

Ключевые слова: русская литература; украинская литература; литературная эпоха; национальные черты; модернизм.

Keywords: Russian literature; Ukrainian literature; literary era; national features; modernism.

Мнение о решительном переломе в истории европейской культуры в 1890-1930 гг. и, как следствие, «культурном взрыве», что суще-

ственно обновил мировое искусство, в гуманитаристике давно стала аксиомой. В России границы XIX-XX вв. получила название «Серебряного века». Векторы художественных практик украинского литературно-художественного процесса первой трети XX в. обуславливают обобщение о том, что «Украинская культура на рубеже веков представила свой – национальный – вариант культурного взрыва» [3, с. 7]. Присущее художникам первой трети XX века стремление к радикальному обновлению содержательных и формальных принципов творчества и отказ от канонов предыдущих эпох позволяют ученым созвучно выделить модернизм как главное эстетическое событие во всех видах искусства, в том числе в литературе.

Актуальность нашего исследования обусловлена литературоведческими вопросами, которые до сих пор связаны с проблемой различия в современном мировом литературоведческом дискурсе украинского и русского модернизма как отдельного историко-культурного феномена. Потому в данной статье ставим перед собой цель – очертить общекультурные и национальные признаки развития украинской и русской литератур первой трети XX века, выделить их созвучности и различия.

Исследование национальных особенностей требует специальной разведки не столько по отдельным персоналиям, сколько на уровне выяснения общей сути этого периода как идейно-эстетического явления, его природы и закономерностей. Справедливо утверждение, что «переход от переоценки модернизма и / или его отрицание к пониманию модернизмов: национальных, колониальных, гендерных, натиivistско-геокультурных, расовых, и космополитических, урбанистических и «маломестечковых», высоких и популярных» (курсив первоисточника. – В.Б.) стал возможен благодаря «новой интерпретативной рамке» в понимании эстетического модернизма, основанием для создания которой стала «постмодерная ситуация» [11, с. 7].

В литературоведении многое из того, что связано с модернизмом, было и до сих пор остается дискуссионным – это касается проблем периодизации, хронологических границ, терминологии, выделение и соотношения субпарадигм и др. Среди важных закономерностей культурного развития начала XX века – динамическая межнациональная коммуникация, в том числе литературная: сокращение временной дистанции в переводах, отсутствие переходного периода в адаптации художественного текста в другом национальном контексте и быстрая реакция критики на переводы произведения. Процесс переноса на национальную почву философских, поэтических и социальных параметров западной словесности, интенсивное усвоение европейских достижений в области философии и эстетики, стремительное обновление

искусства будут определяющими в формировании новых национальных культурных парадигм как на рубеже веков, так и в 1920-х гг. [5, с. 34].

Диалог украинской и русской литературы был еще более динамичный, поскольку его особенности оговаривались территориальным соседством, общим прошлым и постоянным культурным сотрудничеством. Как правило, постоянно действие в российских произведениях происходило непосредственно на языке оригинала. В то же время, перевод оставался важной составляющей национально-литературного процесса и одним из способов взаимодействия российской и украинской литературы. Произведения русской литературы рубежа веков и их критическое осмысление происходили наравне с мировыми, обогащая казну украинской литературы (произведения А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева и т.д., разведки вроде «Новости русской литературы Л. Толстой; Чехов; Боборыкин; Мамин Сибиряк и другие «сибиряки»; Потапенко; Микулич; Горки» М. Грушевского [4]). Встречный процесс часто «ускоряли» непосредственно авторы благодаря автопереводам (например, пьеса «Голубая роза» Леси Украинки) или выбирая за язык первоисточника русский (И. Днепровский, И. Кочерга).

В последнее время утверждение об односторонности другого западного культурного влияния на теорию и практику восточно-славянского модернизма не является несомненным. Постепенно выделяются недавно растворенные в общем определении «советский» украинские и российские составляющие восточно-славянской культуры первой трети XX века. По Д. Горбачеву, например, «Украинские и российские парижане принесли в мир кубизма восточную красочность, мелодичную и всерадостную, почерпнутую из недр коллективного творчества – из керамики, лубков, икон, вышивок, кукол, ковров, писанок» [2, с. 46]. Такой эстетически-культурный обмен между Востоком и Западом, по наблюдениям ученых, продолжался до конца 1920-х гг. [2, с. 46-52]. Литература переживала те же современные трансформации.

Ячейки модернизма в украинской и русской культурах ни были постоянными, однако часто они были общими. Такими локациями в Украине для обеих культур были сначала Киев (где состоялась первая в Российской империи авангардная выставка «Звено» в 1908 году), затем – Харьков, куда в конце 1920-х приезжали работать русские модернисты и авангардисты. Кроме того, художники украинского происхождения внесли весомый вклад в русскую культуру в целом и литературу, в частности, например, «одесская плеяда» (И. Бабель, Э. Багрицкий, В. Катаев, Ю. Олеша). Украинские драматурги, чьи пьесы ставились на сцене российских театров, обсуждались русской критикой и публикой

(от «Голубой розы» Леси Украинки (ранний украинский модернизм рубеже веков), «Патетической сонаты» М. Кулиша, (украинское Возрождение 1920-х гг.), пьесам А. Корнейчука 1930-х годов, т. н. «начального периода тоталитаризма»). Участники литературного процесса были репрезентантами национальной культурной ментальности, независимо от того, какой империи они принадлежали, что побуждает исследователей определять их культурную идентичность, отличие от подобного, но другое.

Еще одной проблемой в изучении модернистской литературной эпохи было то, что на протяжении всего XX века ученые, если речь шла о русской и украинской литературе, не брали во внимание объема и разнообразия литературного процесса, игнорируя, в первом случае, сосуществование литературы метрополии и зарубежья, во втором, рассматривая отдельно творческие процессы в Приднепровской Украине, Западной Украине и в эмиграции. К тому же литературный процесс искусственно разрывался на два практически поляризованных этапа по идеологическому признаку (дореволюционная – советская), и национальные литературы почти не выделялись по литературе советской метрополии, если речь шла о периоде после 1917 года. Все это искажало рецепцию как украинской, так и русской литературы первой трети XX в. как многосложной целостности. Поэтому открытым на сегодня вопрос о периодизации украинского и российского историко-литературного процесса XX века, который с западноевропейским не совпадает у представителей обеих литератур с символизмом (Д. Мережковский «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), В. Щурат «Французский декадентизм в польской и великорусской литературе» (1896)).

Верхнюю границу исследователи все чаще сводят к 1920-30-х годов, так называемого позднего модернизма, когда, несмотря на идеологическое давление, литература не только выполняла социальный заказ, но и развивалась вопреки ему, в соответствии с собственными эстетическими закономерностями [9]. Заметим, что разделение XX века на трети, обусловленное социально-историческими факторами отчасти перекликается с распространенным сегодня взглядом на литературу сквозь призму поколений [9], что основывается на концепции Ф. Куммера. Ученый утверждал, что историю литературы надо писать по время продолжения определенного поколения (20-30 лет), ведь с изменением картины мира трансформируется и его художественное восприятие. Генерационное разделение украинской литературы XX века применяется, в частности, когда речь идет о послереволюционном поколении и шестидесятниках [3, с. 6].

Создателями литературного канона первой трети XX века были как писатели, чье формирование пришлось на границе XIX-XX веков и которые осознавали себя современниками таких классиков, как Л. Толстой и И. Франко (Л. Андреев, М. Булгаков, И. Бунин, И. Бабель, В. Винниченко, Максим Горький, Е. Замятин, Зеров, М. Коцюбинский, А. Куприн, И. Сургучова, Ю. Олеша, В. Петров (Домонтович), В. Стефаник), так и послереволюционные интеллектуалы (А. Афиногенов, Иван Багряный, Иван Днепроvский, Марк Йохансен, Б. Пильняк, Е. Плужник, М. Зоценко, Н. Кулиш, В. Лидин, Я. Мамонтов, А. Платонов, Николай Волновой, В. Шкваркина), чье становление происходило, с одной стороны, на опровержении классических канонов (что классифицировались как «буржуазные»), а с другой – на модернистской их рецепции и репрезентации, как сознательно, так и подсознательно.

Исходя из национальных признаков неустойчивого течения литературного процесса, в украинской прозе было выделено «Три волны» модернизма 90-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в., 20-е гг. XX в. («репрессированное возрождение») художественное украинское движение (ХУД) в Германии в 1945-1948 [1, с. 5]. Зато в российской литературе логика развития модернизма обобщенно рассматривается как эволюция «от символизма (его ранней, декадентской стадии и более поздней, с поисками ценностных ориентиров в различных культурных и религиозных традициях) до стадии модернизма «на слом», где начинают проследиваться и авангардистские тенденции» [3, с. 4].

В варианте периодизации с учетом жанрово-стилевой парадигмы украинской драматургии первой трети XX века «верхней» границей сказывается не бытование модернизма, а постепенное ограничение литературного развития требованиями соцреалистического канона, фактически свидетельствует об одном и том же: идеологически цензурные ограничения творческого процесса и является лакуной в «Прозаической» хронологии: конец XIX – начало XX века («ранний» модерн (И. Франко, И. Карпенко-Карого, Леси Украинки), «средний» модерн (В. Винниченко, Александр Олесь), «высокий» модерн (Леся Украинка, новоромантики) 20-е годы XX века (М. Кулиш, И. Днепроvский, Я. Мамонтов, Е. Плужник) 30-е годы XX века (Начальный период тоталитаризма) [10].

В современном мировом литературоведческом дискурсе украинский модернизм как историко-культурный феномен все еще не выделяется даже в тех исследованиях, где речь идет о национальных вариантах. так, исследуя культуру 1900-1930 гг., ученые выделяют французский и русский авангард, авангардизм (модернизм) в литературе Англии и США, Испании и Испанской Америке, Бразилии, Пор-

тугалии, даже польский, чешский и сербский его версии, однако оставляют без внимания украинский [1]. И это касается не только современного российского литературоведения. Авторы Оксфордского справочника модернизма, различая национальные и транснациональные модернизмы, так же не упоминают о существовании украинского модернизма, однако выделяют, в частности, шотландский, ирландский, русский, карибский, китайский модернизмы, исследуют проблемы модернизма по испанской литературе, африканской, индийской, австралийской и др. [12]. Вместе с тем в западноевропейском литературоведении бытует мнение о необходимости «повторного» анализа русского модернизма как существенной составляющей европейского модернизма, которой присущи смелые инновации и особое отношение традиции [12].

В отличие от западноевропейских художников первой трети XX века, украинские и российские литераторы модернисты чувствовали ее за пределами давления внелитературных факторов – отношений между литературой и властью, партийного руководства всеми формами литературной жизни, – но пытались сохранить при этом глубоко индивидуальную и антидогматическую позицию. И это следующая примечательная черта, общая для украинской и российской литератур.

Из-за нарушения природных условий литературного развития в русской литературе возникли литература метрополии, скрытая литература и литература диаспоры [9, с. 5], которые развивались параллельно, часто как противоположные друг другу, но в общем исторической почве.

В украинской литературе, кроме общей исторической почвы, которую совмещала литература Приднепровской Украине («Русской Украина», по определению журнала «Литературно-научный вестник»), Западной Украина и диаспоры, объединяющим фактором впоследствии стал украинский язык. В первой трети XX в. модернизм выполнял роль катализатора национального литературного развития. Долгое время западные исследователи «отводили национальным вариантам модернизма роль маргинальную относительно «Великого европейского модернизма» [12, с. 9-10].

В условиях метрополии 1920-е годы ознаменовались началом разрушения классики не в эстетическом, согласно футуристическими лозунгами и программами, а в прямом смысле, как наследия враждебного прошлого. Зато эмигрантская литература в преемственности традиций видела неразрывность и целостность литературного процесса.

Литературы эмиграции создавались в иноязычной среде, но позиционировали себя как собственно национальные литературы, существование которых стало априори невозможным в метрополии. Уче-

ные диаспоры формировали концепции развития славянских литератур в общеевропейском контексте, учитывая контактно-генетические связи и типологические соответствия, с подчеркнутым вниманием к национальной специфике каждой из них.

Таким образом, литературно-художественные реалии эпохи вызвали родство проблем в формировании нового идейно-художественного качества обеих литератур и, как следствие, выделению на фоне общекультурных их национальных особенностей.

Список литературы:

1. Авангард в культуре XX века (1900-1930 гг.): Теория. История. Поэтика: в 2 кн. / Под ред. Ю.Н. Гирина. – М.: ИМЛИ РАН, 2010.
2. Васильева И.В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века : автореф. дисс. На соиск. уч. степени канд. культурологии : спец. 24.00.01. Москва, 2011. 24 с.
3. Голубков М.М. Русская литература XX века : После раскола. Москва: Аспект Пресс, 2002. 267 с.
4. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград : Наука, 1979. 494 с.
5. Заманская, В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М. : Флинта, 2018. 304 с.
6. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. 384 с.
7. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. 960 с.
8. Тузков С.А., Тузкова И.В. Неореализм: Жанрово-стилевые поиски в русской литературе конца XIX – начала XX века. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2009. 336 с.
9. Тух Б.И. Путеводитель по Серебряному веку: Краткий популярный очерк об одной эпохе в истории русской культуры. Москва: Октопус, 2005. 208 с.
10. Тырышкина Е.В. Проза русского модернизма (1890–1920 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016 г., 194 с.
11. Шевеленко И.Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 336 с.
12. The Oxford Handbook of Modernisms (2010) / Edited by Peter Brooker, Andrzej Gasiorek, Deborah Longworth, and Andrew Thacker. Oxford UP.

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА «ВПОЛНЕ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ИДИОТ»)

Должикова Жанна Вячеславовна

магистрант,

Северо-Кавказский федеральный университет,

РФ, г. Ставрополь

THE EMBODIMENT OF THE IDEAL OF A "COMPLETELY BEAUTIFUL PERSON" IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY (BASED ON THE NOVEL "IDIOT")

Zhanna Dolzhikova

Master's student of 1 year of study,

North Caucasus Federal University,

Russia, Stavropol

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция личности Ф.М. Достоевского и особенности воплощения идеала «вполне прекрасного человека» в романе «Идиот».

Abstract. This article examines the concept of the personality of F.M. Dostoevsky and the features of the embodiment of the ideal of a "completely beautiful person" in the novel "Idiot".

Ключевые слова: Антропология; Ф.М. Достоевский; Христос; князь Мышкин; идеал; вполне прекрасный человек.

Keywords: Anthropology; F.M. Dostoevsky; Christ; Prince Myshkin; ideal; quite a wonderful person.

Повышенный интерес к личностной проблематике у Достоевского не объясняется только какими-то специфическими особенностями его творческой индивидуальности. Он был вызван объективными факторами, кризисным состоянием отношений личного и общественного в России середины века и совпадал с характерными для капитализирующейся пореформенной России процессами общественного сознания.

Концепция человека у Достоевского складывалась под влиянием антропологических идей фурьеризма. Антропологизм в 40 – 60-х годах в русской философской и эстетической мысли был довольно заметным явлением. Представление о счастье человечества, которое может быть

осуществлено путем преодоления отчуждения как раздвоения личности, преодоления противоречия между личным и общественным, стояло в философии Достоевского рядом с убеждением, что достижение такого общественного идеала, как и вообще всякий общественный прогресс, может быть осуществлено только через человеческую душу.

Достоевский решительно не принимал абсолютизацию среды, свойственную вульгарному материализму. Не без основания он считал такую теорию социально опасной, так как с ее помощью легко можно было оправдать и объяснить любое преступление против нравственности.

Задумав в 1868 г. сделать средоточием романа идеальный образ «положительно прекрасного» человека, Достоевский отдавал себе отчет в трудности поставленной им перед собой задачи, в беспрецедентности своей попытки. О своем замысле он писал: «Идея эта – изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно» [3, с. 78].

В романе «Идиот» писатель сосредоточивает свое внимание на герое, казалось бы, развившемся до высокой степени нравственного совершенства, но превысившем свои человеческие возможности и в силу этого трагически гибнущем.

Однако нельзя забывать, что формируется замысел Достоевского постепенно, и возникает неожиданно для самого автора. «Согласно первоначальному замыслу романа Идиот должен был представлять собою не положительный, а дьявольский образ озлобленного, лишённого веры и жизни существа», – замечает Сергей Иосифович Гессен [цит. по: 2, с. 156].

Как видно из черновых записей Достоевского к «Идиоту», ставкивая в романе героя, выросшего в Швейцарии, вдали от России, с горячо любимой, но почти не известной ему родиной, Достоевский сознательно строил действие романа так, чтобы показать, как в душе Мышкина постепенно «отражается Россия».

Духовно сформировавшийся среди патриархального пастушеского народа, в общении с детьми и природой, Мышкин уже сложившимся человеком возвращается в Россию. Это позволяет Достоевскому широко обрисовать в романе русское общество второй половины 60-х годов со свойственными ему социальными и моральными противоречиями.

Своей задачей Достоевский считал создание образа человека, сочетающего в себе «наивность» и высочайшую внутреннюю гармоничность. Идеальным прообразом такой гармонической личности Достоевский, по собственному признанию, считал Христа (который мыслился им в первую очередь именно как «положительно прекрасный» человек, а

не как выразитель определенного религиозного учения). В контексте рукописи образ Христа возникает как озарение. Именно он становится противовесом хаосу жизни, некоторой гарантией порядка и умиротворения. Все нуждаются в Князе: «У Епанчиных в нём нуждаются (Аглая, Аделаида, Генеральша). Ганя в нём нуждается. Коля. Рогожин нуждается <...> И, Главное, Настасья Филипповна. Даже Лебедев в нём нуждается, и у Князя на сердце просияло. (“Вот, стало быть, и деятельность”» [1, с. 189].

Естественность князя в романе Достоевского связывается с его детским восприятием действительности. Гармоничность князя в основе своей имеет отказ от любых личностных претензий (на особое отношение и почитание, на счастье, на собственность) и, в то же время, утверждение права на уважение к себе, как к равному, и допущение возможности любви к себе, как к любящему. Будто подтверждая евангельскую истину «кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Ев. от Матф., 23), князь заслуживает всеобщего признания: «Князь чрезвычайно умён» (5, 49); «Вы замечаете то, чего другие никогда не заметят» (5, 102); «Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех!» (5, 283), «все мы безмерно вас уважаем» (5, 429). Однако нельзя не заметить, что гармоничность эта по мере развития действия романа разрушается. Герой Достоевского сам становится всё более несчастлив: на даче в Павловске после разрешения «дела Павлищева» «ему ужасно вдруг захотелось оставить всё это здесь, а самому уехать назад, откуда приехал, и даже ни с кем не простившись. Он предчувствовал, что если останется здесь хоть ещё на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю» (5, 256). В самое счастливое для себя время встреч и разговоров с Аглаей «ему хотелось уйти куда-нибудь, совсем исчезнуть отсюда. И пусть, пусть здесь совсем забудут его. О, это даже нужно, даже лучше, если бы совсем не знали его и всё это видение было бы в одном только сне» (5, 286).

Стремясь утвердить в романе созерцательные, аскетические идеалы Мышкина, Достоевский-художник в действительности вынужден был показать всю слабость, немощь и бессилие этих идеалов, не способных указать выход из реальных противоречий общественной жизни.

16 апреля 1864 года, под свежим впечатлением смерти своей первой жены, Достоевский занес в свою записную тетрадь ряд философских размышлений, непосредственно связанных по содержанию с проблематикой законченного почти шесть лет спустя «Идиота». Высший нравственный идеал, замечает здесь Достоевский, выражен в заповеди: «Возлюбить человека, как *самого себя*». Но полное, реальное осу-

ществование человеком этого нравственного идеала «невозможно» – утверждает Достоевский. Идеал этот мог быть осуществлен «одним Христом», образ которого поэтому представляет для человечества «вековечный идеал», «к которому стремится человек». В жизни реальных, земных людей уничтожение своего я, отказ то своих, личных интересов во имя любви к другим людям, неосуществимы, так как этому препятствует «закон личности», «связывающий» человека. Поэтому Достоевский вынужден прийти к выводу, что нравственный идеал осуществим лишь в отдаленном будущем, – может быть, даже не «на земле», а «на другой планете».

Таким образом, в образ князя Мышкина Достоевский вложил свое понимание идеального национального характера. Герой наделен теми положительно прекрасными чертами, которые национальное самосознание русского народа закрепило за образом Христа. Это смирение, всепрощение, любовь и жалость к человеку. Мышкин олицетворяет собой в то же время идеал детской невинности и идеал европейски просвещенной личности. И все же русский «князь Христос» не становится в романе воплощением безусловного и полного совершенства.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Идиот: [роман] / Ф.М. Достоевский. – Москва: Эксмо, 2006. – 637 с.
2. Евлампиев И.И. Антропология Достоевского. Санкт-Петербург: Издательство: СПб.: 1997. – с. 122-196.
3. Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. – 404 с.

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Мундер М. Кадим

*д-р филол. наук, доцент
Багдадского университета,
Ирак, г. Багдад*

Мохаммед Ясин Мохаммед

*ассистент
Кафедры русского языка,
Багдадского университета,
Ирак, г. Багдад*

В настоящей статье показано, что язык регулярно ощущает спрос в ранее не известных и образных средствах выражения. Эмоционально-экспрессивная лексика может обогатиться за счет архаизмов, содержащих коннотативный элемент в семантике. Может быть нарастание языковой экспрессивности ряда устаревших слов вследствие их временной отметки и стилевой окраски в сопоставлении с нейтральными элементами.

А.И. Солженицын, восторгаясь языком прошлого времени, говорит, что «веками в России ... язык стоял богатый и не терял красоты». В связи с этим не случайно, что произведения автора полны лексическими единицами, которые принадлежат прошлым эпохам.

Формулировка устаревших слов в части новейшей структуры языка, объединенных соотношениями со своими типичными противоположностями, является вполне обоснованной.

Существование в архаизмах обоснованности – немаловажное лингвистическое требование, стимулирующее трансформацию в литературный язык. Словообразовательный признак подразумевает понимание носителем литературного языка эффективности и точности модели, по которой создано устаревшее слово.

Развитию необходимого литературному языку слова из пассивного ресурса в активный помогает большое использование лексической единицы в художественных произведениях. Можно считать архаизмы, входящие в словари современного русского языка, элементом языка художественной литературы, так как они сопутствуются иллюстрациями из классических и современных произведений.

Для введения устаревшего слова в нормированную языковую систему немаловажна его функциональная ценность. Упрочение архаиз-

мов в общеупотребительной лексике связано с тем, в какой мере успешно применяет А.И. Солженицын в своих шедеврах, как совмещает эти слова с книжными и народно-разговорными.

В литературных произведениях новейшей тематики устаревшие слова используются с конкретной стилиевой целью. Они издавна служат средством образования «высокого» стиля, торжественного, взволнованно-патетического слога. Архаизмы употребляются и для сатирического обличения, комического осмеяния.

Учитывая соотношения архаизмов аналогу литературного языка в источниках изучения, насчитывающем около семидесяти слов, выделено три вида устаревших слов:

1. Собственно лексические;
2. Многозначные архаизмы;
3. Смысловые.

Ключевые слова: устаревшие слова, архаизмы, имя существительное, имя прилагательное, глагол, современный русский язык, пассивный состав языка.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть употребление А.И.Солженицыным архаизмов как основы пассивного состава языка в общеупотребительной лексике, так как они вытеснены из общего использования литературными аналогами и имеют последовательные сведения. Однако процедура, представляющаяся одним из видов трансформации, пока что не исследована. Оживлению устаревших слов оказывает содействие состояние языкового и общественного порядка.

Собственно лексические устаревшие слова

Собственно лексические устаревшие слова – слова, которые считаются архаизмами как противопоставленные общеупотребительным, идентичные по значению синонимам с иным корнем. Аналогичных лексических единиц в анализируемом материале – тринадцать. Все указанные собственно лексические устаревшие слова – мотивированные слова.

Исследования любой устаревшей лексемы, с точки зрения классификации охватывает несколько элементов:

1. смысл устаревшего слова, взятого по словарям;
2. обозначение словообразовательной модели, по которой создано слово;
3. обнаружение частей смысла в экспрессивных устаревших словах;

4. представление характера употребления архаизма в произведениях А.И.Солженицына;
5. установление частоты использования архаизма в языке художественной литературы;
6. обращение к происхождению лексемы с целью детализации его семантики;
7. обнаружение яркого национально-культурного элемента значения.

В соответствии с существованием смысла среди непосредственных архаизмов выделено две группы: экспрессивные и неэкспрессивные

1. А.И. Солженицын подразумевает возрождение родного языка, например, посредством коренной экспрессивной лексики *звериться* – «свирепеть, злиться», живущее в памятниках русской письменности с 16 века. Исследователи сенситивной лексики отмечают, что главной целью смысла оказывается эмоциональное чувство говорящего.

Для обладателя современного русского языка устаревшее слово *звериться* имеет в сопоставлении с нейтральным литературным глаголом *злиться* отрицательную эмоциональную оценку осуждения, экспрессивность и яркую выразительность. Новейший, неспецифический взгляд мира А.И.Солженицына обнаруживает определенное проявление в странности внутренней модели устаревшего слова *звериться*: она являет собой аналогию «корчить из себя зверя», сжатое в одно слово. Экспрессивный глагол *звериться* построен по продуктивной схеме языка: «основа имени существительного зверь + суффикс -и- - постфикс -ся-»: обозначает создавать приемы, характерные тому, кто назван убедительным именем существительным. Производная основа *звериться* изучает, берет в себя переносный образ производящей основы *зверь* – «жестокий, свирепый человек». Здесь совершается перестановка образа при диахроническом словообразовании.

Для передачи мыслей и впечатлений героя «Ракового корпуса» – врача Льва Леонидовича употребляется не только разговорно-просторечная лексика (коситься, психовая), но и экспрессивный устаревший глагол *звериться*. В стремлении А.И. Солженицына к устаревшим словам отразилось тяготение к прекрасному, к значительной выразительности языка. Например:

Значит, опять завтра она будет стоять против него, а сбоку будет снова операционная сестра и вместо того, чтобы самой заранее угадывать, какой нужен инструмент, будет коситься на Анжелину, а Анжелина будет звериться, каковы они с операционной сестрой. А та психовая, ту не тронь...

В целом ряде неэкспрессивных слов появилось двенадцать лексем с эффективной формой образования: *возражатель, гнездилище, обступ, переворох, дыбливый, молчный, навичный, незнаемый, обломистый, расщелиться, яровать, возвратно*.

Изначально лексема *дыбливый* – «жесткий» – с самого начала обладает четкой структурой. Образ, вошедший в основу этого устаревшего названия, характерный: *дыбиться* обозначает «становиться дыбом, топорщиться». Происхождение лексем *дыбливый*, *дыбом, дыбиться* пребывают в контакте с древнерусским *дыба* – «инструмент пытки, с участием которого у истязаемого, подвязанного на поперечине, оттягивали весом ноги». Архаизм *дыбливый* отвечает продуктивному в разговорной и художественной речи словообразовательному типу: «основа глагола *дыби(ться)* + суффикс –лив(ый)». Суффикс придает лексеме оттенок стремления к действию, названному мотивирующим глаголом. Переход устаревшего слова *дыбливый* в активный запас русской лексики должен быть не только из-за действия положительных лингвистических причин, но и по причине разумного употребления этого слова А.И.Солженицыным для изображения персонажа «Ракового корпуса» Костоглотова:

...Морда у него была бандитская. Так он выглядел, наверно, от ирама..., а может быть, от непричёсанных дыбливых черных волос, торчавших и вверх и вбок: а может, вообще от грубого жестокого выражения.

Писатель стремится восстановить прилагательное *молчный* – «немой», выстроенное по продуктивной в разговорной речи форме «основа глагола *молча(ть)*+ суффикс –н(ый)» и обладающее отношением к действию по мотивирующему глаголу. Суммарное деривационное содержание лексемы *молчный*, как и имен прилагательных *покорный, чванный, больной*.

Языковое понимание говорящих без труда улавливает устаревшее слово *молчный*, представленный в «Архипелаге ГУЛАГ» в роли яркого красочного определения:

В низкой полутьме, с молчным шорохом, на четвереньках, как крупные крысы, на нас со всех сторон крадутся малюетки – это совсем ещё мальчишки, даже есть по двенадцати годков, но кодекс принимает и таких...

Деривационная модель, которая отвечает устаревшему глаголу *расщелиться* – «давать трещины, образовывать щели, растрескиваться» оказывает производительность в современном русском языке. Созданный по типу «глагол *щели(ться)*-префикс рас-»-устаревшее сло-

во показывает содержание доведения итог действия, именованного мотивирующим глаголом *щелиться*-«давать щель».

Посредником всех этих архаичных слов в приводимую область возможно будет являться язык художественных произведений А.И.Солженицына, других писателей.

Многозначные архаизмы

Архаизмам в литературном языке соответствуют многословные описания. Недостаток в нормированной речи слов, совпадающих с многословными архаизмами, содействует поступлению слов в классифицированный центр. Замечено 39 многословных архаизмов, из которых 38 характеризуются внутренней моделью и делятся на два типа: экспрессивные и неэкспрессивные.

1.Используя выразительные слова, произносящий изображает самого себя. Желание прозаика вставить в литературный оборот речи необычные сложные слова трактуется тем, что они не только оказываются наиболее выгодными средствами обозначения, но и, по наблюдениям чаще всего мощнее и эмоциональнее по аналогии с обычными словами.

Так, устаревшее имя существительное *женобесие*- «плотская страсть, непомерное женолюбие», созданное по эффективной в книжной речи форме «основа имени существительного *жен(а)*+интерфикс –о- + основа глагола *беси(ться)*+суффикс и(е)», включает в число смысловой единицы напряжённости, надменную эмоциональную оценку и выразительность. Характеризовать слово *женобесие* как выразительное допускает его «картинность», воспламеняемая у слушателя(читателя) понятие о понимании на основе других изображений.

Метод включения устаревшего слова *женобесие* в произведение «Раковый корпус» с установкой на то, что это слово давнее, свойственное для речи лиц взрослого возраста, оказывается своеобразным для писателя:

Его дед назвал бы это, пожалуй, женобесием.

А.И.Солженицын выбирает из источников родного языка слово *окаянство*, использующееся в 11-16 веках с рядом значений: 1) ничтожество, убожество, слабость; 2) несчастье, страдание; 3) низость, подлость. К 19 веку слово принимает значение «что-либо преступное, богопротивное, грешное», объединённое с оттенками христианского мировосприятия. С учётом дериватологии, устаревшее слово пребывает в связях производности с именем прилагательным *окаянный* «проклятый, нечестивый; погибший духовно», он выстроен по модели «основа имени прилагательного *окаяни(ый)*+суффикс – ств(о)», указывает

на существование абстрактного свойства, означенного мотивирующим словом.

Перевод лексемы *окаянство* в активный словарный запас может быть потому, что это имя существительное известно читателям по произведениям А.Толстого, А.И.Солженицына и других авторов. Устаревшее слово может войти в литературную лексику, так как он отражает возвращаемое ныне духовное значение, представляет смысл явления отклонения обществом. А.И.Солженицын использует архаизм имя существительное *окаянство* в «Архипелаге ГУЛАГ», обращаясь к читателям и к себе с очередным риторическим вопросом:

Почему тогда мы заставляем их жить в окаянстве?

Группа отглагольных слов, которые в словаре В.И.Даля наделены словообразовательным принципом, удерживающим побудительные связи производящего и производного слова: *заполз* – обозначение действия по глаголу *заползти*, *зачерп* – по глаголу *зачерпнуть*, *защем* – по глаголу *защемить*, *отдар* – по глаголу *отдарить* – «отдавать дар за дар», *перекрут* – по глаголу *перекрутить*, *перетрях* – по глаголу *перетряхнуть*, *рез* – по глаголу *резать*, *рыск* – по глаголу *рыскать*, *скрыв* – по глаголу *скрывать*, *укрыв* – по глаголу *укрывать*.

Лексема *отдар* в тексте А.И.Солженицына, введенная в «Архипелаг ГУЛАГ» отвечает главной функции слов, идеологической, обдумывающей, с эмоцией проговоренной:

Все наше нам восполнится.

Вернётся нам в отдар.

Характерные языку 19 века имена существительные *кишь* и *кружь*, выстроенные по эффективной модели «основа глагола + нулевое окончание» – это наименования абстрактного действия и состояния.

Лексема *кишь*, включенная в авторскую речь способствует писателю написать образное изображение зимнего ненастья, а лексема *кружь* представить настроение персонажа – крайне сильное беспокойство.

Он смотрит сквозь эту кишь снежинок – на зону, на белую степь.

А.И.Солженицын трансформирует архаизм злонаходчивый, увеличивая его синтагменные связи: имя прилагательное согласуется в рассказе «Для пользы дела» с неодушевленным именем существительным *забор*, вопреки определению словаря В.И.Даля об использовании слова по отношению к человеку.

Хабалыгин как раз занял важную точку, откуда определялась последняя линия его злонаходчивого забора.

Употребление писателем архаизма *злоплодный* увеличивает выразительность текста «Архипелаг ГУЛАГ».

После всех этих злоплодных разрушительных реформ можно считать отдельную историю Особлагов законченной 1954 годом и дальше не отличать их от ИТЛ.

Устаревшее слово *изнахалиться* – «быть безотвязным» – построено по модели «основа устаревшего глагола *нахалиться* – поступать нахально, нагло, дерзко» + префикс -из» – означает совершить действие по производящему глаголу.

Смысловые архаизмы

Смысловые архаизмы – это слова, считающиеся устаревшими в виду своей противопоставленности прочим современным содержаниям. В эту малую по размеру категорию входит три слова: *однокорытник*, *купа*, *нутряной*. Основная роль этих слов предоставить связь времен. Устаревшие значения слов имеют возможность возможность родиться заново. Изображение смысловых архаизмов, появившихся в определенной ситуации, включает:

1. Объяснение вида смыслового развития слова;
2. Вскрытие факторов использования смыслового архаизма А.И. Солженицыным;
3. Установление частоты употребления слова в устаревшем значении разными авторами.

Лингвисты установили, что в языке предыдущих десятилетий с размахом изображены метафорические переносы. Этой группе переноса отвечает устаревшее значение лексемы *однокорытник* – «однокашник, товарищ», отличающейся патетической оценкой осмеяния или юмора и много раз употреблявшееся писателями. Вследствие ассоциативного устройства мышления устаревший смысл лексемы *однокорытники* – «животное (обычно собака), вскормленное другими из одного корыта» – может служить спецификой для перемещения к новому пониманию. Образное пересматривание возникает по принципу единства.

А.И. Солженицын употребляет метафору *однокорытник* в качестве дополнения.

Перед другом-однокорытником он испытывал сейчас неловкость, сознание некрасивого поступка: друг как бы ещё продолжал свидание с женой и в такую святую минуту приходилось его прерывать.

Смысловой дериват *купа* может увеличить формат содержания приводимой лексемы. Памятники древнерусской словесности опреде-

ляют по возникновению имени существительного *купа* необходимые значения:

1. Куча, груда, кипа, стопка;
2. Гряда;
3. Группа людей;
4. Собрание, съезд.

В сегодняшнем словарном запасе слово популярно со смыслом «группа, скопление деревьев, кустов». Смысловый архаизм *купа* – «большое количество предметов и лиц», известный в 12-19 веках и воссозданный в произведениях русской литературы, увеличивает понимание.

А.И. Солженицын старается вернуть языку коренное значение слова *купа*. На страницах романа «В круге первом» это слово попадает как в литературном значении, так и в устаревшем.

Вдалеке, перед штабом спецтюрьмы, под купою волшеббно-обеленных марфинских лип мелькала утренняя арестантская прогулка.

Вывод

Представленная А.И. Солженицыным устаревшая лексика показала глубокое знание писателем архаизмов. Изобилие языка – это умение представить одно значение различными способами. Внедряя архаизмы в произведения, А.И. Солженицын в какой-то мере содержит обоснованную мотивацию. Устаревшие слова в авторской речи становятся средством изображения окружающего мира или увеличивают эмоциональность изложения. В отдельных ситуациях отклонение А.И. Солженицына от нормы литературного языка возможно трактовать не представлением функции, а только желанием обновить язык литературы и пополнить лексический запас языка.

Обширное разнообразное введение в языковую материю солженицынских произведений блистательных, почти забытых слов способствует развитию культуры в сторону ее наибольшей приспособляемости и определенности в противовес тем стремлениям выцветания языка и загромождения его бесполезными иноязычными словами.

Судьба определенного слова, безусловно, не зависит от персональных желаний кого бы то ни было. Но А.И. Солженицын изображает образные резервы языка.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно с уверенностью утверждать:

1. Классификация устаревших слов один из активных в данное время процессов языковых изменений.

2. Словарный ресурс языка – это неиспользованные резервы структуры, которые имеют возможность обновляться при конкретных обстоятельствах.

3. Совокупность критериев понимания словарных ресурсов должна иметь в виду объективные условия.

4. А.И. Солженицын демонстрирует лексику, соответствующую критериям словарного резерва.

5. Представление А.И. Солженицыным словарного изобилия, представление идентичности языка обуславливают его преобразования – языковое распространение – в пределах национальной манеры.

Список литературы:

1. Александр Солженицын: Жизнь и творчество. М., 1994.
2. Андреева-Карлай О. Солженицын. В круге тайном // Вопросы литературы. 1991. N 1-5.
3. Аннинский Л. Руки творца. Читая «Публицистику» Солженицына // Дружба народов. 1996. № 3-6.
4. Архангельский А. Поэзия и правда // Русские писатели лауреаты Нобелевской премии: Александр Солженицын. М., 1991.
5. «Архипелаг ГУЛАГ» читают на родине: Из писем в редакцию «Нового мира», 1989-1990 // Новый мир. 1991. № 9. С. 233-248.
6. Бакланова Л. Язык «Двучастных рассказов» А.И.Солженицына // Литература. 1998. № 28. С. 10-11.
7. Белинков А. Почему был напечатан «Один день Ивана Денисовича» // Звезда. 1991. № 9. С. 158-164.
8. Белопольская Е.В. Роман А.И.Солженицына “В круге первом”: Опыт интерпретации. Ростов-на-Дону, 1997. 166 с.
9. Белопольская Е.В. К проблеме интерпретации творчества А.И.Солженицына // Русская классика XX века: Пределы интерпретации. Сборник материалов научной конференции. ИРЛИ РАН СГПУ. Ставрополь, 1995. С. 80-83.
10. Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Вопросы культуры речи. 1965. № 6.
11. Вокруг “Ивана Денисовича”: Письма читателей в редакцию “Нового мира”. (Публ. подгот. Родионов Л.Л.) // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 441-474.
12. Волков С. Стоит село без праведника? О рассказе А.Солженицына “Матренин двор” // Литература. 1996. № 21.
13. Гаврилов В.А. Своеобразие творческого метода в прозе А.Солженицына и В.Шаламова // Актуальные проблемы современного литературоведения. М.: (МГОПУ), 1997. С. 24-26.

14. Галиева Н.В. Черты кинематографичности “Архипелага ГУЛАГ” А.Солженицына // Вестник Пермского ун-та. Литературоведение. Пермь, 1996. Вып. 1. С. 68-73.
15. Галкин А. Историю надо помнить: об исторической концепции А.И.Солженицына в книге «Архипелаг ГУЛАГ» // Лит. обозрение. 1990. № 8. С. 13-16.
16. Голубков М.М. Александр Солженицын. М., 1999.
17. Гордиенко Т.В. Особенности языка и стиля рассказа А.И.Солженицына “Матренин двор” // Рус. словесность. М., 1997. № 3. С. 66-74.
18. Дьяков В.А. Об историко-социологической концепции Александра Солженицына // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 65-76.
19. Жилиев Г.Е.А.И. Солженицын художник и мыслитель на пороге XXI века. Армавир, 2001.
20. Зиброва Р.В. Выражение содержания речемыслительной деятельности в художественном тексте: (На материале романа А.Солженицына “В круге первом”) // Речевое мышление и текст. Воронеж, 1993. С. 27-35.
21. Злобин А. Парадоксы «Архипелага» // Собеседник. 1990. № 7. С. 5.
22. Евсюков В. Люди бездны: О романе А.Солженицына “В круге первом”// Дальний Восток. 1990. № 12.
23. Елисеев Н.Л. “Август Четырнадцатого” Александра Солженицына сквозь разные стекла // Звезда. 1994. № 6. С. 145-153.
24. Карпенко Г.Ю. Литературная критика 1960-х годов о повести А.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Литература “третьей волны”. Самара, 1997. С. 79-86.
25. Колодный Л.Е. Архипелаг Судьбы: Александр Солженицын // Поэты и вожди. М., 1997. С. 293-314.
26. Коняев И. Уроки Солженицына // Студенческий меридиан. 1990. № 5. С. 33.
27. Краснов В.Г. Многоголосость героев в романе Солженицына “В круге первом” // Грани. Франкфурт на Майне, 1977. № 103. С. 155.
28. Кузьмин В.В. Художественный монизм Солженицына: “Малая проза” // Жанрово-стилевые проблемы русской литературы XX века. Тверь, 1994. С. 89-102.
29. Кузьмин В.В. “Разрушение” жанра романа в книге А.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Проблемы эволюции русской литературы XX века. М., 1995. Вып. 2. С. 116-117.
30. Кузьмин В.В. Поэтика рассказов А.И.Солженицына // Тверь, 1998.
31. Лакшин В. Писатель, читатель, критика // Новый мир. 1966. № 8. С. 216-256.

32. Лакшин В. Булгаков и Солженицын: К постановке проблемы // Сов. библиогр. М., 1992. № 2. С. 52-104.
33. Маклакова Г.В. Мироздание Александра Солженицына. Язык романа «Архипелаг ГУЛАГ» // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1991. № 2. С. 39-43.
34. Малько А.В. Христианские мотивы в романе А.И.Солженицына “В круге первом” // Культура и текст. СПб. Барнаул. 1997. Вып. 1: Литературоведение. Ч. 2. С. 91-92.
35. Маркштайн Э. О повествовательной структуре “Архипелага ГУЛАГа” // Филолог. записки. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 91-101.
36. Медведев Ж. Десять лет после “Одного дня Ивана Денисовича” // Подъем. Воронеж, 1991. № 6-7. С. 3-51.
37. Муромский В.П. Из истории литературной полемики вокруг повести А.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Лит. в школе. 1994. № 3. С. 26-30.
38. Немзер А. Рождество и Воскресение: о романе А.И.Солженицына “В круге первом” // Лит. обозрение. М., 1990. № 6. С. 31-37.
39. Покровский Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77-90.
40. Птапов В. Звезда, река, загадка...: Заметки об “Августе Четырнадцатого” // Лит. обозрение. 1990. № 11. С. 18-22.
41. Потапов В. Сеятель слово сеет // Знамя. 1990. № 3. С. 204-209.
42. Резниковский Г. «Раковый узел» А.И.Солженицына // Звезда Востока. 1991. № 2 С. 94-107.
43. Резниченко Г. Возвращение изгнанника: Как был напечатан «Архипелаг ГУЛАГ» // Родина. 1991. № 11-12. С. 8-14.
44. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Сов. Россия. 1990.
45. Решетовская Н.А. Маятник качается: (История о том, как “Иван Денисович” получал Ленинскую премию) // Переяславль Рязань, 1993. № 1. С. 74-88.
46. Сиротинская И.В.Шаламов и А. Солженицын // Шаламовский сборник. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 73-75.
47. Сиснев В. «Архипелаг ГУЛАГ» помогает выжить. Правда о фонде Солженицына // Труд. 1992 14 марта. С. 1-3.
48. Слово о Солженицыне // Наш современник. 1990 № 1 С. 58-67.
49. Стрелянный А. “Не верь, не бойся, не проси!” (Мировоззрение А.Солженицына по “Архипелагу ГУЛАГу” и “Гарвардской речи”) // Звезда. 1989. № 11. С. 193-202.
50. Твардовский А. Вместо предисловия // Солженицын А. “Один день Ивана Денисовича. М., 1963. С. 5-8

51. Телицына Т.В. Образность в “Архипелаге ГУЛАГе” А.И. Солженицына// Научн. докл. высш. шк. филолог. науки. М., 1991. № 5. С. 14-24.
52. Тюрина Н.Ф. “Архипелаг ГУЛАГ” А.И.Солженицына: К проблеме жанрово-стилевого своеобразия// Филологические штудии. Иваново, 1995. С. 137-144.
53. Учиться терпимости к живущим: (Отклики на статью Е. Чуковской)// Книж. обозрение. 1988. № 33. 12 авг.
54. Урманов А.В. Поэтика прозы Александра Солженицына. М., 2000.
55. Филиппов В.В. О некоторых аспектах изучения творчества А.Солженицына на уроках русской литературы XX века// Русский язык: вопросы функционирования и методики обучения. М., 1995. Вып. 1. С. 234-240.
56. Харрис Д.Г. «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и литература достоверности// Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 476-499.
57. Храбровицкий А.В. Солженицын// Сов. библиограф. М., 1990. № 4. С. 137-140.
58. Чалмаев В.А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество. М.: Просвещение. 1994. 286 с.
59. Шаламов В.Т. Письма А.Солженицыну // Шаламовский сборник. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 63-103.
60. Шиканов Ю. Солженицын в Мещере // Русь. Ростов Великий, 1994. № 5. С. 75-77.
61. Шкловский Е. Чем жив человек: О повести “Раковый корпус” // Лит. обозрение. 1990. № 7. С. 10-14.
62. Шлеман А. Зрячая любовь // Диалог. 1991. № 8. С. 76-81.
63. Шмелев А.Д. Об орфографических воззрениях А.И.Солженицына // Рус. речь. М., 1993. № 5. С. 119-121.

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам LXII международной
научно-практической конференции*

№ 8 (62)
Август 2022 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 11.08.22. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2,125. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru